

Ф.М. Лучинкин**ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ДОКАЗЫВАНИИ
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА И ПРОВЕРОЧНОЙ ЗАКУПКИ**

Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

Поступила в редакцию 28.05.2023 г.

Принята к публикации 15.11.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-3

32

Для цитирования: Лучинкин Ф.М. Проблемы использования в доказывании по уголовному делу результатов оперативного эксперимента и проверочной закупки // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №4. С. 32—41. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-3.

В исследовании представлена концепция особого доказательственного значения результатов оперативного эксперимента и проверочной закупки. Оно обусловлено тем, что эти действия отражают событие преступления, совершаемое под контролем оперуполномоченных. Для снятия сомнений в допустимости задокументированных результатов подобных оперативно-розыскных мероприятий разрабатывается правовой стандарт их проведения. В отличие от отраслевых разработок относительно такого рода правового стандарта предлагается межотраслевой правовой стандарт. Он включает уголовно-процессуальные нормы, нормы уголовно-розыскного права, а также судебные прецеденты. Выполнение этого стандарта должно гарантировать допустимость использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов данных оперативно-розыскных мероприятий. Одновременно должны быть обеспечены права лица, изобличаемого в совершении преступления. Проанализированы материально-правовая и процедурная составляющие стандарта правомерного проведения оперативного эксперимента и проверочной закупки. Сформулирован материально-правовой критерий ограничения правомерного оперативного эксперимента и проверочной закупки от провокации. Приведены критерии процессуальной составляющей данного правового стандарта. В заключение производится синтез всех анализируемых элементов в виде общего стандарта деятельности оперуполномоченных, органов предварительного расследования и прокурора по формированию доказательств обвинения из результатов оперативного эксперимента и проверочной закупки. Сделанные выводы могут быть использованы в сфере оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуального доказывания для снятия правовой неопределенности и повышения эффективности уголовного преследования лиц, совершивших тяжкие, скрытые преступления. Кроме того, может быть снижен профессиональный риск для сотрудников оперативных аппаратов, уполномоченных на проведение этих мероприятий.

Ключевые слова: оперативный эксперимент, проверочная закупка, доказывание, доказательства, правовой стандарт

Результаты оперативного эксперимента и проверочной закупки имеют особое доказательственное значение, выделяющее их из всей системы средств доказывания, связанных с оперативно-розыскной деятельностью (далее — ОРД). Они представляют собой задокументированное событие преступления, которое было совершено под контролем оперуполномоченных.

Из анализа юридической литературы [12; 15, с. 307; 16, с. 146], посвященной этим оперативно-розыскным мероприятиям (далее — ОРМ), следует, что при их проведении 1) происходит событие преступления во всех его стадиях; 2) оно происходит под контролем оперативных сотрудников, то есть имеет место создание ими условий, воспроизведение действий и обстановки преступления; 3) эти ОРМ имеют негласный характер, проявляющийся в введении в заблуждение или оставлении в неведении «объекта» относительно истинных целей действий участников со стороны органа, уполномоченного на осуществление ОРД; 4) имеет место документирование, то есть фиксация всех действий участников ОРМ; 5) документы и иные средства фиксации хода этих ОРМ (фиксации события преступления) могут стать доказательствами по уголовному делу.

Проверочную закупку, оперативный эксперимент можно определить как контролируемое правоохранительными органами преступление. Отсюда становится понятным, что это не обычное ОРМ или следственное действие, направленное на познание следов имевшего в прошлом события преступления, а задокументированное в режиме онлайн событие преступления для последующего использования его в качестве доказательства обвинения. Это одно из немногих ОРМ, которое непосредственно связано с уголовно-процессуальным доказыванием.

Результаты анализируемых ОРМ справедливо относят к «ОРМ-доказательствам», которые отличаются от обычных процессуальных доказательств только отсутствием следственной формы и необходимостью восполнения этой «нехватки» формальной легализацией в стадии предварительного расследования [4]. Так называемая процедура легализации здесь сводится не к получению новых сведений, а к интерпретации и оформлению уже полученной информации. Задокументированные результаты данных ОРМ представляют собой готовый информационный продукт. Этот информационный продукт после проверки либо принимается, либо не принимается следователем или судом в качестве доказательства [21, с. 159].

При этом вопросы о достоверности, относимости к предмету доказывания результатов данных ОРМ неуместны в силу фактической бесспорности произошедшего. Событие преступления, его объективная сторона оказываются задокументированными и очевидными для участников процесса. При бесспорности объективной стороны преступления оспариваться могут элементы субъективной стороны. Ключевое значение имеет принятие решения судом о допуске к представлению задокументированных результатов этих ОРМ в ходе судебного следствия для исследования сторонами и оценки судом.

На первый план при проверке и оценке результатов ОРМ такого рода выходит спор об их допустимости. Этот спор имеет предметом не толь-

ко критерий процессуальной допустимости по смыслу ст. 75 УПК РФ, поскольку касается правомерности проведения ОРМ в широком смысле и прежде всего — отграничения их от провокации, подстрекательства. Допустимость включает в себя соблюдение правил, определяющих порядок принятия решения о проведении данных ОРМ, их проведения и документирования, по правилам Федерального закона РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ «Об ОРД»), а также их проверку следственным путем по правилам УПК РФ. Поскольку и проверочная закупка, и оперативный эксперимент имеют скрытный характер, постольку допустимостью охватывается соблюдение требований как процессуального, так и оперативно-розыскного права, обеспечивающих права и законные интересы лица, избобличаемого в совершении преступления.

Итак, обратной, «слабой» стороной обоих анализируемых ОРМ, можно сказать, являющейся продолжением их сильной стороны, выступает потенциальная упречность в провокационности, то есть недопустимости в материально-правовом смысле. Именно через сомнение в провокационности действий оперуполномоченных подрывается защитой доказательственный потенциал этих ОРМ в каждом уголовном деле, где обвиняемый не признает вину. Опровержение подобного утверждения защиты составляет обязательный элемент доказывания с использованием результатов как оперативного эксперимента, так и проверочной закупки. С сомнением в провокационности, подстрекательстве связан и профессиональный риск для оперуполномоченных, которым грозит уголовная ответственность не только за умышленные, но и подчас за неумелые действия при подготовке и проведении анализируемых ОРМ. Поэтому в последние годы наблюдается тенденция к свертыванию их использования (по крайней мере, со стороны сотрудников оперативных аппаратов органов внутренних дел) и обращению к другим — более опасным, но и менее эффективным — ОРМ, как, например, наблюдения [3].

Мы разделяем мнение о необходимости выработки правового стандарта проведения этих ОРМ, обеспечивающего допустимость их результатов в доказывании и, в целом, правовую определенность в сфере ОРД. Сразу оговоримся, что под «правовым стандартом», опираясь на мнение других исследователей [13], мы будем понимать выработанный в судебной практике и прокурорском надзоре, основанный на законе постоянный и однозначный набор требований к «правомерности» оперативно-го эксперимента, проверочной закупке, который обеспечивает четкое понимание обязанностей и прав их участников, гарантирует допустимость использования их результатов в доказывании. Основой данного правового стандарта следует считать положение, согласно которому при проведении, документировании и представлении результатов как проверочной закупки, так и оперативного эксперимента оперуполномоченные должны соблюдать не только требования ФЗ «Об ОРД», но и нормы уголовно-процессуального доказательственного права, в том числе требования, предъявляемые к судебному доказательству [18, с. 7; 12–13].

Такой правовой стандарт включает, на наш взгляд, две главные составляющие: (а) материально-правовую — обеспечивающую снятие со-

мнений в отсутствии провокационности (подстрекательстве); (б) формальную — образуемую совокупностью требований законодательства к проведению и оформлению этих ОРМ, а также проверке их результатов в уголовном процессе.

Ключевое значение имеет снятие сомнения в провокации со стороны оперуполномоченных как первичное условие допустимости результатов, обеспечиваемое материально-правовой компонентой анализируемого правового стандарта оперативного эксперимента, проверочной закупки. В создании этого материально-правового аспекта правомерности можно выделить национальный и международный вклад.

Исходный вклад в материальную составляющую правового стандарта оперативного эксперимента, проверочной закупки вносит ст. 5 ФЗ «Об ОРД», где предусмотрен запрет на провокацию, которая определяется как подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий [17, с. 80]. Однако эта законодательная дефиниция четко не отграничивает правомерную деятельность оперуполномоченного от подстрекательства. Кроме того, она чревата расширительным толкованием, идущим против активной целенаправленной деятельности по подготовке ОРМ, документированию преступных действий.

Центральным элементом материально-правовой компоненты правового стандарта оперативного эксперимента, проверочной закупки выступают нормы уголовного законодательства, включая ст. 304 и 286 УК РФ. Они стали предметом многочисленных разъяснений Верховного суда РФ. Из разъяснений постановления Пленума Верховного суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» вытекает, что провокация будет в том случае, если преступные действия совершены без ведома лица либо вопреки его отказу на их совершение. Иными словами, лицо либо в принципе не осознает факта противоправности своих действий, либо изначально не давало согласие на такие действия.

Кроме того, в п. 14 постановления Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» указано, что «результаты оперативно-розыскного мероприятия могут использоваться в доказывании по уголовному делу, если они получены и переданы органу предварительного расследования или суду в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у лица умысла на незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» [19].

Приведенные критерии правомерности анализируемых ОРМ (формирование у виновного умысла независимо от действий оперуполномоченных и совершение лицом подготовительных действий по совершению преступления) были сформулированы Верховным судом РФ под

влиянием Европейского суда по правам человека, в 2000-х гг. принявшего ряд решений по вопросам провокации. Они стали предметом многочисленных публикаций (см.: [10, с. 45–47]), что освобождает нас от необходимости повторять выводы исследователей. Можно назвать следующие критерии: 1) наличие «объективного подозрения» изобличаемого лица в причастности к преступной деятельности; 2) момент начала проведения оперативно-розыскного мероприятия; 3) «пассивное поведение» сотрудников правоохранительных органов и лиц, с ними сотрудничающих; 4) проверка правомерности ОРМ по правилам состязательного процесса; 5) санкционирование ОРМ [14; 20, с. 146].

Первые три критерия достаточно полно отражены в разъяснениях Верховного суда РФ, в частности в обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г.), относительно двух других таких разъяснений не делалось. Однако неопределенность сохраняется относительно всех элементов правового стандарта, о котором мы пишем.

Так, существенным является разъяснение о том, что перед осуществлением в отношении лица конкретных ОРМ полиция должна располагать информацией о преступной деятельности лица и при этом эти сведения должны быть проверены судом. Тем самым, казалось бы, Верховный суд РФ определился в вопросе о правомерности / неправомерности оперативных мероприятий в отношении неизвестных лиц, то есть недопустимости так называемой «ловли на живца», хотя с такого рода предложениями выступают некоторые сторонники «наступательной позиции», допускающей проведение ОРМ-ловушек в отношении неопределенного круга лиц [11], о чем мы скажем далее.

Между тем иногда суды не расценивают как существенное нарушение закона вынесение постановления о проведении оперативного эксперимента как в отношении неустановленного лица, так и в отношении лиц, обозначенных под псевдонимами [7; 8] или в отношении лиц, не указанных в постановлении о его проведении [20]. В других же уголовных делах суды, наоборот, признавали результаты ОРД недопустимыми, так как они осуществлялись в отношении неустановленного круга лиц [9]. Налицо противоречивость судебной практики.

Достаточно спорен стандарт «объективности подозрения». Так, вызывает вопрос о том, в какой форме должны быть представлены материалы, указывающие на предшествующую преступную деятельность лица, — процессуальной или оперативной. Особенно если учесть то, что материалы дел оперативного учета не могут быть предоставлены в суд ввиду засекречивания.

В этой связи мы считаем, что предлагаемый нами правовой стандарт должен включать четкие требования к закреплению информации о предшествующей криминальной деятельности «объекта» в материалах, полученных при проведении оперативного эксперимента, проверочной закупки. Прежде всего это касается надлежащего наполнения и оформления материалов дел оперативного учета как гарантии обоснованности проведения этих ОРМ. Сторона обвинения должна быть гото-

вой представить их в суде в подтверждение обоснованности принятого решения о проведении оперативного эксперимента или проверочной закупки. Далее, необходимо исходить из обязательности перекрестной проверки в суде «объективности подозрения» — через допросы как оперуполномоченных, так и представителей общественности (понятых), привлеченных к их проведению. Готовность к противодействию со стороны защиты через обвинение в провокации должна формироваться у потенциальных свидетелей обвинения. В частности, оперуполномоченные, сотрудничающие с ними лица должны быть готовы к отстаиванию на суде критерия своего «пассивного поведения» при проведении ОРМ; быть готовыми дать показания в судебном разбирательстве, в том числе подвергнуться перекрестному допросу [1].

Наибольшую сложность и дискуссионность вызывает критерий «пассивного» поведения сотрудников правоохранительных органов и сотрудничающих с ними лиц. В ряде решений судов можно найти однозначное подтверждение позиции в пользу пассивности. Так, в ходе рассмотрения апелляционной жалобы суд указал, что содержание такого оперативного мероприятия, как эксперимент, не способно мотивировать к совершению преступления, поскольку оно лишь фиксирует происходящее. Оперативный эксперимент осуществлен в связи с имеющейся информацией о совершении должностными лицами <данные изъяты> списания задолженностей за незаконное вознаграждение [6].

Вытекающий из категорического запрета активной целенаправленной деятельности по подготовке и документированию преступных действий в ходе оперативного эксперимента или проверочной закупки императив составляет особенность материально-правовой составляющей стандарта проведения этих ОРМ. Это понимание стандарта сложилось под европейским континентальным правовым влиянием и отличается от англосаксонского правового стандарта «правомерной провокации», получения так называемого *Entrapment Evidence*, то есть буквально «провокации преступления с целью его изобличения» [15, с. 309].

Есть сторонники этой концепции, оправдывающей большую меру активности сотрудников оперативных аппаратов при подготовке и проведении данных ОРМ и среди отечественных специалистов по уголовному и уголовно-процессуальному праву [2, с. 480–481]. Так, например, И. А. Александрова, развивая ранее выдвинутую А. С. Александровым и Д. С. Кучеруком идею о «допустимом инициировании преступления» сотрудниками оперативных аппаратов (цит. по: [15, с. 109]), сформулировала стандарт «правомерной провокации», производный, по ее мнению, от стандарта «крайней необходимости» и сводящийся к тому, насколько в данной ситуации действия офицеров полиции и их агентов были сообразны опасности преступления и, следовательно, полезны, позволительны. Не будет провокации или подстрекательства в действиях полиции, если они если не влияли на свободу воли субъекта преступления, в отношении которого проводился оперативный эксперимент [5].

По нашему мнению, при всей привлекательности такого подхода для сотрудников оперативных аппаратов, его нельзя признать правильным, соответствующим позитивно-правовому стандарту, сложившемуся в

нашем уголовном процессе. Вместе с тем можно согласиться с тем, что широкая трактовка критерия «пассивного поведения» сотрудников правоохранительных органов, которая исключает какую-либо активную деятельность по выявлению и раскрытию преступления, не переходящую в склонение к общественно опасному деянию, противоречит общему смыслу ФЗ «Об ОРД» и обязанности государства противодействовать преступлениям.

Выводы относительно правового стандарта проверочной закупки, оперативного эксперимента, выполнение которого обеспечивает высокую вероятность допустимости использования в доказывании их результатов, можно сделать такие. Во-первых, необходимо осуществлять надлежащее документирование оснований проведения ОРМ с учетом его потенциальной проверки в ходе предварительного следствия и в суде. Во-вторых, нужно обеспечить надлежащее наполнение и оформление материалов дел оперативного учета. В-третьих, должна быть проведена подготовка оперативного сотрудника и лиц, участвовавших в ОРМ, представителей общественности (понятых) для допроса в суде в условиях противодействия со стороны защиты. Наконец, государственным обвинителем должна быть продумана и реализована в судебном следствии тактика представления результатов этих ОРМ в виде материалов уголовного дела и приложений к нему, а также допросов участников ОРМ.

Отграничение правомерности от провокации при проведении указанных ОРМ заключается, на наш взгляд, в следующем: провокационными являются действия, направленные тем или иным образом на побуждение (склонение) лица к совершению преступления либо ввод его в заблуждение относительно намерений оперативных работников и лиц, сотрудничающих с ними при осуществлении ОРМ. Являются провокационными действия оперативных сотрудников и их агентов, если они связаны с уговорами, угрозами, использованием потребности в употреблении наркотиков и иными формами навязывания лицу преступных намерений, в том числе завуалированными речевыми посылками. Иначе говоря, лицо не должно побуждаться к совершению преступления. Оно не должно быть введено в заблуждение относительно происходящего события, то есть умышленно совершать преступление под тайным контролем. Действия же оперуполномоченных, не связанные с навязыванием лицу преступных намерений, должны быть признаны правомерными, и полученные таким образом результаты оперативного эксперимента или проверочной закупки должны допускаться в качестве прямого доказательства обвинения.

Список литературы

1. Александров А. С. Перекрестный допрос в суде: примеры успешной практики // Уголовный процесс. 2019. №4. С. 22–31.
2. Александров А. С., Александрова И. А. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики. М., 2017.
3. Александров А. С., Кучерук Д. С. К вопросу о допустимости доказательств, полученных стороной обвинения в ходе досудебного производства // Консти-

туционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности : сб. матер. Всерос. круглого стола: 3 ноября 2011 г. / сост. К. Б. Калиновский. СПб., 2012. С. 95–108.

4. Александров А. С., Кучерук Д. С. Результаты ОРМ — база приговора? Статья 2. Российские регламенты устарели... // Российский следователь. 2012. № 6. С. 35–39.

5. Александрова И. А. Теоретическая концепция уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 75–86.

6. Апелляционное постановление Ивановского областного суда (Ивановская область) № 22-97/2019 от 30 января 2019 г. по делу № 22-97/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru/regular/doc/f7XIaj9N6PZT/ (дата обращения: 01.03.2023).

7. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда (город Краснодар) № 22-3717/2017 от 29 июня 2017 г. по делу № 22-3717/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru/regular/doc/DeeEZcgO8A5u/ (дата обращения: 01.03.2023).

8. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда (Город Санкт-Петербург) № 1-39/2014 22-367/2015 22-8879/2014 от 4 марта 2015 г. по делу № 1-39/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://lul.su/UrM> (дата обращения: 01.03.2023).

9. Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда (город Санкт-Петербург) № 22-2027/2014 от 16 апреля 2014 г. по делу № 22-2027/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MnLFzeVCNvxZ/> (дата обращения: 01.03.2023).

10. Гаврилов Б., Боженко С. К вопросу о провокации преступлений // Российская юстиция. 2006. № 5. С. 44–50.

11. Галушко В. А., Малахов А. С. Провокация при проведении оперативного эксперимента // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 3 (62). С. 31–35.

12. Грошев С. Л. Оперативный эксперимент как оперативно-розыскное мероприятие: некоторые аспекты правового регулирования // Проблемы формирования уголовно-розыскного права. (Десять лет российскому оперативно-розыскному закону) : вневедомственный сб. науч. работ. Вып. 5 / сост. А. Ю. Шумилов. М., 2002. С. 60–63.

13. Зайцев А. О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

14. Комиссаров В. С., Яни П. С. Провокационно-подстрекательская деятельность лица в отношении должностного лица как обстоятельство, исключющее ответственность за получение взятки // Законность. 2010. № 9. С. 3–8.

15. Кучерук Д. С. Проблемы использования результатов ОРД при доказывании по уголовным делам о взяточничестве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2 (13). С. 306–310.

16. Лазарев А. В. К вопросу об оперативном эксперименте как основном мероприятии по документированию преступлений коррупционной направленности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 145–148.

17. Мишин Г. Борьба со взяточничеством: некоторые направления совершенствования уголовной политики // Уголовное право. 2000. №3. С. 75–80.

18. Муравьев М. В. Использование в уголовно-процессуальном доказывании информации, полученной в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021.

19. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2006 г. №14 (ред. от 16.05.2017). СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (дата обращения: 24.01.2024).

20. Ровнейко В. В. Провокация взятки как коррупционное преступление, совершенное с использованием служебного положения // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2015. №2. С. 144–147.

21. Уткин В. В. Использование в судебном доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020.

Об авторе

Федор Михайлович Лучинкин — соискатель, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия.

E-mail: fedor-luchinkin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8184-769X>

F. M. Luchinkin

PROBLEMS OF USING THE RESULTS OF AN OPERATIONAL EXPERIMENT AND TEST PURCHASE IN PROVING A CRIMINAL CASE

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Received 28 May 2023

Accepted 15 November 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-3

To cite this article: Luchinkin F. M. 2023, Problems of using the results of an operational experiment and test purchase in proving a criminal case, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 32–41. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-3.

The study presents the concept of the special evidentiary value of the results of operational experiments and test purchases. This is due to the fact that these actions reflect a criminal event carried out under the control of law enforcement authorities. To dispel doubts about the admissibility of documented results of such operational measures, a legal standard for their conduct is developed. Unlike sectoral developments regarding such a legal standard, an interdisciplinary legal standard is proposed. It includes criminal procedural norms, norms of criminal investigative law, as well as judicial precedents. Compliance with this standard should guarantee the admissibility of using the results of these operational measures in criminal procedural evidence.

Simultaneously, the rights of individuals implicated in the commission of a crime must be ensured. The material-legal and procedural components of the standard for the lawful conduct of operational experiments and test purchases are analyzed. A material-legal criterion for distinguishing lawful operational experiments and test purchases from entrapment is formulated. Criteria for the procedural component of this legal standard are provided. In conclusion, a synthesis of all analyzed components is made in the form of a comprehensive standard for the activities of law enforcement authorities, preliminary investigation bodies, and prosecutors in forming evidence of charges from the results of operational experiments and test purchases. The conclusions drawn can be used in the field of operational and investigative activities and criminal procedural evidence to eliminate legal uncertainty and increase the effectiveness of prosecuting individuals who have committed serious, covert crimes. Additionally, it may reduce the professional risk for operational personnel authorized to conduct these activities.

Keywords: operational experiment, test purchase, proof, evidence, legal standard

The author

Fedor M. Luchinkin, PhD Student, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia.

E-mail: fedor-luchinkin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8184-769X>